

к христианству веет и от учения Гемиста Плифона, который считал, что христианское учение не в состоянии укрепить государства. Касаясь распространения в народных массах идей мистицизма, автор считает, что аскетизм был не только фанатичной верой в спасение, но и проявлением социального протеста. Именно монашеская жизнь сулила для многих мнимый выход из мира нужды и насилий. Но монашество попало под влияние официальных идей церкви и стало орудием в руках угнетателей.

Наиболее подробно остановился автор на анализе идей манихейства. Пятая глава озаглавлена «Манихейский пессимизм». Манихейство, по мнению автора, является наиболее полным отрицанием всего земного, противопоставлением материального, грешного, творения сатаны — духовному началу. Это отрицание всего земного было связано с пассивным протестом против всяких политических и общественных организаций и стало популярным среди угнетенных крестьянских масс, а далее даже частично проникло в городские низы (стр. 63). Пассивное сопротивление манихеев подавлялось огнем и мечом, причем все религии того времени с одинаковым рвением преследовали манихеев. Идеи манихейства имели грандиозную притягательную силу и, несмотря на преследования, воодушевляли массы на выступления и в Византии, и далеко за ее пределами. Последняя глава посвящена революционным последователям манихейства, в число которых Зейдлер включает павликиан и богомилов. Влияние идей павликиан автор объясняет тем, что к манихейскому отрицанию существующего общественного строя павликианское учение присовокупляло социальные идеи древнего христианства, проявившиеся у павликиан в организации общин, сплоченных строгой дисциплиной, с полным равноправием мужчин и женщин (стр. 66).

Заканчивает свою книгу Г. Зейдлер указанием на сложность византийской идеологии, которая (вполне закономерно в условиях того времени) облекалась в богословские формулы. Сложность византийской идеологии определялась и тем, что классовые противоречия находили свое отражение в идеях, в которых сказывались «мудрость и опыт греков и римлян, скептическая пассивность Востока, юношеская мощь славян, завоевательный пыл ислама». Нужно, однако, признать, что заключительная фраза автора остается неаргументированной.

М. С.

Д. АНГЕЛОВ. БОГОМИЛСТВО В БЪЛГАРИЯ. София, 1961, 318 стр.

Книга Д. Ангелова «Богомилство в Болгарии» вышла первым изданием в 1947 г., а в 1954 г. она была переведена на русский язык¹. От первого — в общем научно-популярного — издания второе отличается очень сильно. Чтобы дать некоторое представление о том, насколько расширен материал в новом издании, сравним один небольшой раздел — тот, который посвящен антибогомилским источникам. В новом издании значительно расширена характеристика «Беседы пресвитера Космы (стр. 23—26) и сочинений Евфимия из константинопольского монастыря Перивлента², уточнены сведения о «Житии Илариона Могленского» (стр. 29), добавлены краткие сведения о ряде источников (Феодор Вальсамон и Димитрий Хоматиан, «Житие Стефана Немани» и славянская редакция «Номоканона» (1219 г.) (стр. 30 и сл.). Соответственно расширены и другие разделы.

Совершенно по-новому написан раздел о происхождении богомилства, где Ангелов дает теперь прежде всего характеристику феодальных отношений в Болгарии X в., подробно рассматривает церковно-феодальную идеологию в Болгарии того времени и оппозицию ей, детально останавливается на сохранявшихся в стране языческих верованиях. Естественно, что Ангелов уделяет большое внимание павликианам, дуалистическое учение которых оказало существенное влияние на формирование богомилства³.

Следующий раздел — «Появление богомилства в Болгарии» — отсутствовал в первом издании вовсе. В этом разделе Ангелов, в частности, полемизирует с В. Киселковым, отстаивая историчность попа Богумила (стр. 84 и сл.). Здесь же Ангелов рассматривает вопрос о социальном составе богомилства X в.: он приходит к выводу, что основную массу богомилов составляло крестьянство (стр. 95), а вождями этого антифеодального движения выступали низшие клирики (стр. 94).

¹ Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954. См. рецензию Т. М. Соколовой (ВВ, X, 1956, стр. 195—202) и, особенно, предисловие З. В. Удальцовой к русскому изданию (стр. 3—25).

² См. о нем также Н. Г. В е с к. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 532 f.

³ В списке литературы о павликианах (стр. 72, прим. 5) следовало бы также учесть работы Р. М. Бартияна: «Источники для изучения истории павликианского движения» (Л., 1958), «Армянские источники для изучения истории павликианского движения» («Палестинский сборник», 4; 1959) и др.

В большом разделе Ангелов исследует сущность богомильского учения. Здесь особенно интересен отсутствовавший в первом издании анализ различных группировок богомилов, одни из которых были умеренными, другие последовательными дуалистами (стр. 117 и сл.). В этом разделе, на мой взгляд, следовало бы также поставить вопрос о принципиальном отличии богомильского дуализма от дуализма более раннего, в частности от дуализма кумранских сектантов (напомню, что богомилы использовали такие апокрифы, как возникшая в кумранской среде «Книга Еноха»).

Далее Ангелов исследует организацию богомилов и историю богомильского движения. Он останавливается, в частности, и на судьбах богомилов в Византии. В этой связи я хотел бы обратить внимание на одно свидетельство о малоазийских богомилах середины XII в., которое, насколько мне известно, до сих пор не было использовано и которое не привлечено также и Ангеловым. В панегирике Никите, митрополиту Хонскому, Михаил Хоннат писал, что его герой усмирил «проклятых евхитов» (издатель ошибочно читает *Εὐχαίταις*, хотя в рукописях *εὐχίταις*, причем лаврентьевская рукопись добавляет *πογομίλοις*) (ed. S. Lampros, I, p. 53.7 et nota); в другом месте этого панегирика рассказывается о некоем «последователе Мани», который ворвался в храм и «бесчестно» сожрал артос, несмотря на сопротивление митрополита (*ibid.*, p. 62.21—63.1). Все это свидетельствует об активности хонских богомилов XII столетия⁴.

Книга Ангелова богата фактами; она всесторонне характеризует богомильское движение, убедительно вскрывая его антифеодальный характер. В конце книги приложен подробный список литературы⁵, а также удобный указатель.

А. К.

Gy. MORAVCSIK. Ἀγώνιον ἀφιερωτικὸν ποίημα περὶ τοῦ αὐτοκράτορος Βασιλείου Α. Εἰς μνήμην Κ. Ι. Ἀράντου. Ἀθήναι, 1960, σελ. 1—10.

Gy. MORAVCSIK. SAGEN UND LEGENDEN ÜBER KAISER BASILEIOS I.
Dumbarton Oaks Papers, 15, 1961, S. 59—126

Обе работы венгерского ученого Д. Моравчика объединены общей темой — они посвящены истории одного из виднейших византийских императоров, Василия I (867—886). В первой из них Моравчик привлек внимание к анонимному стихотворению в честь Василия, изданному еще в 1895 г. А. Бринкманом и упомянутому в 1897 г. А. Эрхардом (не К. Крumbaхером, как пишет Моравчик), но не ставшему до сих пор предметом специального исследования. Поскольку анонимный автор молит о даровании победы над «манихеями», Моравчик заключает, что стихотворение должно было появиться до разгрома Тефрики в 872 г. (стр. 4 и сл.). Это предположение весьма вероятно, хотя и порождает одно затруднение: приложение к императору эпитета *εἰρηνοτικός*; несколько противоречит отнесению анонимного сочинения к первым годам Василия — этот эпитет скорее характерен для последнего периода царствования Василия и, в частности, применен составителями «Эпаноги»¹.

Анонимное стихотворение — панегирик, прославляющий императора за щедрость и за справедливость к подданным, будь то архонты или бедняки. Прославление императорской щедрости — не просто трафаретный топос (общее место): напомню, что, например, в XI в. Атталиат всячески прославлял широту своего любимца, Никифора Вотаниата, тогда как Пселл в безудержных тратах видел один из самых серьезных пороков современных ему правителей Константинополя. Так и современник Василия I, Арефа Кесарийский, порицал императора за чрезмерность расходов. То же самое можно сказать и о провозглашении равенства архонтов и бедняков перед судом — достаточно напомнить, что в отличие от этого Фотий, современник анонимного автора, провозглашал естественной аристократическую иерархию общества («Подобно тому, как моряки должны подчиняться кормчему...» и т. д.).

⁴ Не следует ли в этой связи вспомнить о малоазийских *publicani*, т. е. павликианах, которые сражались на стороне сельджуков в битве при Дорилее в 1097 г. (*Histoire anonyme de la première croisade*, éd. et trad. par L. Bréhier. Paris, 1924, p. 48; cp. *ibid.*, p. 102)?

⁵ Иногда автор включал в этот список работы, не имеющие прямого отношения к теме (например, мою книгу об аграрных отношениях в Византии XIII—XIV вв.); вместе с тем к списку можно кое-что добавить, в частности: С. Кульбакин. Софийский синодик в новом издании и характеристике. ИОРЯС, IV, 3, 1899, стр. 1015—1030 (лингвистический анализ памятника); К. Ф. Радченко. Этюды по богомильству. К вопросу об отношении апокрифов к богомильству. «Изборник Киевский». Киев, 1904, стр. 29—38.

¹ См. М. Бенеманский. Ὁ πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Сергиев Посад, 1906, стр. 50.